

Отецъ Іоаннъ Сергіевъ и графъ Левъ Толстой.

(Памяти незабвеннаго молитвенника Русской Церкви, дорогаго батюшки высокочтимаго о. Іоанна Кронштадтскаго, къ дню его кончины 20-го декабря).

12-го декабря 1855 года въ одномъ изъ столичныхъ храмовъ Св. Православной Церкви Русской преклонилъ главу къ Св. престолу вѣрный сынъ Св. Церкви, Іоаннъ Сергіевъ, и получивъ отъ руковожденія іерарховъ благодать хиротоніи, сталъ въ ряды гонимаго, осмѣяннаго мудростію земною воинства Христова—Православнаго священства. Въ кристально-чистой, свѣтлой, праведной душѣ великаго избранника Божія зажглась при руковожденіи въ таинствѣ хиротоніи чистая Божія свѣча: тихо, незамѣтно она возгорѣлась, взявъ огонь отъ жертвенника Христова, но чрезъ нѣсколько лѣтъ предстала предъ изумленнымъ міромъ во всей своей красотѣ и яркимъ пламенемъ «въ духѣ и силѣ Иліиной» согрѣла холодныя сердца своимъ животворнымъ тепломъ и освѣтила своимъ свѣтомъ мракъ окружающей тьмы, мракъ безвѣрія,—оправдавъ тѣмъ то начало, откуда взяла себя жизнь,—вѣру христіанскую, вѣру православную, вѣру—гонимую и хулимую современникомъ ревнителя чести и славы имени Божія, о. Іоанна—богоотступникомъ и хулителемъ Церкви Христовой графомъ Львомъ Толстымъ. Замѣчательное совпаденіе! О. Іоаннъ сталъ въ ряды воинства Христова—православнаго духовенства въ томъ самомъ году, когда противникъ его, графъ Левъ Толстой задумалъ основать новую религію. Вотъ что читаемъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1910 года въ біографіи Л. Толстого подъ датою 1855 года. «Въ дневникѣ 1855 года, когда уже онъ былъ подъ стѣнами Севастополя, онъ отмѣчаетъ: «Разговоръ о божествѣ и вѣрѣ навелъ меня на великую, громадную мысль, осуществленію которой я чувствую себя способнымъ посвятить жизнь. (курсивъ нашъ). Мысль эта—основаніе новой религіи (тоже), соотвѣтствующей развитію человечества, религіи Христа, но очищенной отъ вѣры и таинственности, ре-

лигии практической, не объшающей будущее блаженство, но дающей блаженство на землѣ. Привести эту мысль въ исполненіе, я понимаю, что могутъ только поколѣнія, сознательно работающія къ этой цѣли. Одно поколѣніе будетъ завѣщать мысль эту слѣдующему, и когда нибудь фанатизмъ или разумъ приведутъ ее въ исполненіе. Дѣйствовать сознательно къ соединенію людей религіей—вотъ основаніе мысли, которая, надѣюсь, увлечетъ меня» (декабрь, стр. 16). Мысль эта, дѣйствительно, увлекла его на путь богоборчества, борьбы съ Церковью Христовою. «Тайна беззаконія», начало коей мы видимъ еще въ 1855 году, дѣлалась постепенно, выражалась въ цѣломъ рядѣ такъ называемыхъ религіозныхъ переживаній Толстого, когда онъ пробовалъ вмѣстѣ съ народомъ жить его вѣрою, ходилъ въ церковь, соблюдалъ посты, говѣлъ, причащался, но всюду вносилъ свой критицизмъ, разсудочное испытаніе, зачѣмъ все это, къ чему, и вотъ результатъ этихъ испытаній. «Никогда не забуду мучительнаго чувства, испытаннаго мною въ тотъ день, когда я причащался *въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ*. (Курсивъ нашъ). Службы, исповѣдь, правила—все это было мнѣ понятно и производило во мнѣ радостное сознаніе того, что смыслъ жизни открывается мнѣ. Самое причастіе я объяснялъ себѣ какъ дѣйствіе, совершаемое въ воспоминаніе Христа и означающее очищеніе отъ грѣха и полное воспринятіе ученія Христа. Если это объясненіе и было искусственно, то я не замѣчалъ его искусственности... Но когда я подошелъ къ царскимъ дверямъ и священникъ заставилъ меня повторять то, что я вѣрю, что то, что я буду глотать (какая грубость выраженія!) есть истинное Тѣло и Кровь, меня рѣзнуло по сердцу. . я смирился, проглотивъ эту Кровь и Тѣло безъ кощунственныхъ чувствъ съ желаніемъ повѣрить, но ударъ уже былъ нанесенъ. И зная напередъ, что ожидаетъ меня, я уже не могъ идти въ другой разъ» (Исповѣдь). Это было Іудино причащеніе. Съ этого времени сатана вошелъ въ душу его, какъ нѣкогда на тайной вечери вошелъ и въ Іуду—прототипъ

его. Намъ неизвѣстно, къ какому году относится это іудино лобзаніе Св. чаши, знаемъ только что «исповѣдь» свою, въ которой читаемъ эти строки, онъ задумалъ написать еще съ 1874 года. (Историч. Вѣстникъ, 1910 г. XII, стр. 29). Разрывъ же его съ церковію послѣдовалъ лишь послѣ написанія имъ сочиненій: «Критика догматическаго богословія» (1880 г.), «Соединеніе и переводъ четырехъ евангелій» (1881 г.), „Краткое изложеніе евангелія» (1881 г.), «Царство Божіе» (1882 г.), «Въ чемъ моя вѣра» (1884 г.) и др. (стр. 30) «Царство Божіе внутри насъ» (1891—93). Во всѣхъ названныхъ сочиненіяхъ онъ съ одной стороны устанавливаетъ свое положительное религіозно-нравственное ученіе, съ другой стороны и, при томъ, главнымъ образомъ,—онъ ведетъ борьбу съ православной церковью, стараясь обвинить ее въ томъ, будто бы она извратила пониманіе ученія Христа, содержитъ не подлинное ученіе Христово, а подмѣненное другимъ, такимъ, какого будто бы не можемъ принять человѣческой разумъ. Основнымъ положеніемъ своихъ нападокъ на Церковь, будто бы она проповѣдуетъ ученіе, находящееся въ полномъ противорѣчьи съ нравственнымъ ученіемъ Христа, Толстой противорѣчилъ самому себѣ, когда отмѣчалъ въ нашемъ народѣ *глубокое христіанское чувство*, руководясь которымъ онъ всегда давалъ пріютъ у себя въ избахъ странствующимъ, безпріютнымъ людямъ, кормилъ, поилъ ихъ, и т. д. Спрашивается, откуда же появилось это чувство въ народѣ? Кто воспиталъ его въ немъ?—Не церковъ-ли, въ продолженіе столѣтій постоянно напоминавшая ему о Христѣ? А если такъ, то напрасно Левъ Толстой обвиняетъ Церковь въ томъ, что она забыла нравственные завѣты Христа.—По поводу Толстовскаго пониманія Христа, хорошо отвѣтилъ ему, Л. Толстому, покойный К. П. Побѣдоносцевъ въ своемъ письмѣ съ отказомъ представить Александру III письмо Толстого съ просьбою помиловать (не казнить) царубійца Александра II: «Не взыщите за то, что я уклонился отъ исполненія вашего порученія. Въ такомъ важномъ дѣлѣ все должно дѣлаться по вѣрѣ. А прочи-

тавъ письмо ваше, я увидѣлъ, что ваша вѣра одна, а моя и церковная другая, и что нашъ Христосъ—не вашъ Христосъ.

«Своего я знаю мужемъ силы и истины, исцѣляющимъ разслабленныхъ, а въ вашемъ показали мнѣ черты разслабленнаго, который самъ требуетъ исцѣленія». Мы не будемъ разбирать ни положительнаго ученія Льва Толстого, ни его нападокъ на Церковь Христову такъ какъ объ этомъ много писалось, (см., напримѣръ, недавнюю брошюру прот. С. Четверикова «Религіозныя переживанія Л. Н. Толстого при свѣтѣ православія»), скажемъ только, что отрицая въ христіанствѣ все сверхъестественное и таинственное, проповѣдуя мораль личнаго нравственнаго совершенствованія, проповѣдуя добро, но добро безъ Богочеловѣка Христа, Левъ Толстой шель оболстительнымъ путемъ антихриста, почему о. Іоаннъ Кронштадтскій и называлъ яснополянскаго лжепророка антихристомъ (см. нашу статью «Графъ Левъ Толстой, какъ одинъ изъ самыхъ яркихъ выразителей духа грядущаго антихриста»). Въ заключеніе о богоборческомъ направленіи сочиненій Толстого скажемъ только, что его кощунственныя и дерзкія выходки противъ Церкви Христовой и ея Таинствъ завершились въ 1900 году заграничнымъ изданіемъ «Воскресенія», гдѣ онъ осмѣиваетъ святѣйшее таинство евхаристіи, а въ 1902 году сочиненіемъ «Разрушеніе ада и возстановленіе его» (см. брошюру о. Четверикова). Въ послѣднемъ сочиненіи не вѣруя ни въ адъ, ни въ злыхъ духовъ, Л. Н. Толстой пользуется этими понятіями съ цѣлью сильнѣйшаго униженія и осмѣянія Церкви. Въ яркихъ образахъ онъ описываетъ смятеніе ада при появленіи на землѣ Иисуса Христа съ его ученіемъ. Адъ чувствуетъ, что господству его на землѣ приходитъ конецъ. Но вотъ, когда положеніе, казалось, сдѣлалось совершенно безнадежнымъ, одному злему духу пришла въ голову счастливая мысль—онъ придумалъ основать на землѣ Церковь, которая, увѣряя всѣхъ, что относится съ величайшимъ благоговѣніемъ къ Иисусу Христу и Его

ученію, въ дѣйствительности, упраздняетъ это учение, замѣнивъ его догматами и обрядами и отъ имени Христа разрѣшаетъ людямъ всѣ ихъ прежнія преступленія: войны, казни, прелюбодѣянія, суды и проч. Такимъ образомъ, разрушенный было Христомъ адъ оказался возстановленнымъ Церковью. Въ этихъ послѣднихъ сочиненіяхъ вражда Л. Н. Толстого къ Церкви достигла, повидимому, своего апогея.

Въ 1901 году 20 февраля, послѣдовало отлученіе Льва Толстого отъ Церкви.

(До слѣд. №).

Со страницъ жизни и литературы.

(Речь о. Илюдора при организаціи общенароднаго хора 6 ноября 1911 г.)

„Исполняйте Духомъ, назидая самихъ себя псалмами и славословіями и пѣснопѣніями духовными и воспѣвая въ сердцахъ вашихъ Господу“ (Еф. 5, 18—19).

Церковное пѣніе составляетъ существенную часть нашего православнаго Богослуженія, при чемъ чѣмъ торжественнѣе служба, тѣмъ больше бываетъ на ней пѣнія. Духовно-религіозное пѣніе извѣстно съ глубокой древности; оно употреблялось и у народа еврейскаго, и у язычниковъ. Ужь это одно, т. е. общее употребленіе духовно-религіозной пѣсни свидѣтельствуетъ, что корни ея заложены, такъ сказать, въ глубинѣ человѣческой, разумной души. И въ самомъ дѣлѣ, если бы не такъ, то чѣмъ объяснить то, что даже свѣтская пѣснь разгоняетъ нашу скорбь, скрашиваетъ печаль, на немъ человѣкъ „отводитъ душу“, наслаждается, хотя и временно, духовной радостью... Если такое значеніе имѣетъ свѣтская пѣсня, то тѣмъ болѣе нужно то же сказать о пѣніи духовномъ въ храмѣ и дома.

Духовное пѣніе не только радуетъ сердце, услаждаетъ душу человѣка, оно, по изъясненію Апостола Павла, дѣлаетъ больше: „исполняетъ духомъ“... Оно възгрѣваетъ благодатные дары Св. Духа въ нашихъ сердцахъ, иначе—поддерживаетъ благодатные дары Св. Духа въ нашей Богоподобной душѣ. Дары же Св. Духа таковы, что обнимаютъ собою всю нравственную природу человѣка, всѣ его силы, т. е. и разумъ и чувство, и волю.

Дары Св. Духа—«духъ премудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія, духъ страха Божія.» Эти дары Св. Духа раздѣлены такъ, что одни изъ нихъ даны человѣческому разуму—духъ премудрости, духъ вѣдѣнія,—другіе